

Англия и европейское содружество.

Год назад, в начале 2002 года, группа членов Британского парламента, пригласила Владимира Буковского выступить в здании Британского парламента перед публикой с изложением своей точки зрения на процессы, происходящие в Европе в связи с созданием и дальнейшим развитием Европейского Союза. Изложенные Владимиром Буковским идеи представляют собой, по нашему мнению, громадный общественный интерес и только на первый взгляд могут показаться парадоксальными. Владимир Буковский говорил, естественно, на английском языке, и здесь читателю предлагается русский перевод выступления, записанного на магнитофон.

Легко представить себе, что я мог бы счесть себя сегодня самым счастливым человеком во Вселенной после того, как в 1991 году мои вечные враги, Советский Союз и советская коммунистическая система, развалились и исчезли с лица Земли. И действительно, двадцать лет назад, или почти двадцать лет назад, выступая, как мне помнится, в этом досточтимом зале, президент Рейган смело заявил, что судьба коммунистической системы – оказаться на свалке истории. В то время его слова были встречены, в лучшем случае, с недоверием, а в худшем – насмешками, но двадцать лет спустя, двумя десятилетиями позже, даже коммунисты предпочитают, чтобы их не называли этим именем, в то время как последний генеральный секретарь советской коммунистической партии зарабатывает себе на жизнь продажей пиццы.

На самом деле, однако, я не вижу особых причин для радости. Возможно, мы выиграли несколько решающих сражений при Рональде Рейгане и Маргарет Тэтчер, но мы, в противовес общепринятому мнению, явно не одержали победу в холодной войне. Разумеется, если мы интерпретируем холодную войну, как чисто военное противостояние между странами Варшавского договора с одной стороны и странами НАТО - с другой, тогда мы, пожалуй, победили.

Но, конечно же, холодная война всегда была нечто большее, чем просто военное противостояние. Это была, прежде всего, и главным образом, идеологическая война, столкновение либеральной демократии с тоталитаристским коммунизмом. И вот эта война так и не была закончена, эта работа не была завершена.

Когда Советский Союз и его союзники рухнули, это произошло не потому, что мы победили их, а потому, что они выдохлись, главным образом, благодаря их собственной глупости: они попросту превысили свои возможности в гонке вооружений, в попытке финансировать громадную империю, во всех своих

начинаниях. Но до самого последнего момента их существования Запад фактически пытался оживить их кредитами и займами, технологией и дипломатической поддержкой. В критический момент - в течение решающих последних семи лет - советское правительство получило, если я не ошибаюсь, около 45 миллиардов долларов иностранной помощи, которые помогли ему продлить свое существование. В эти критические семь лет Запад перенес свою поддержку от подлинных демократов, каковыми были мы в Советском Союзе, к «либеральным коммунистам» и так называемым «коммунистическим реформаторам», сделав совершенно бесполезными все наши усилия. И когда советская система, в конце концов, рухнула, на Западе, тем не менее, не было ликования, не прозвучали требования наказать самых гнусных преступников против человечества. Западные лидеры выглядели сбитыми с толку и даже огорченными кончиной их бывшего врага, хотя это было, пожалуй, самым значительным событием всего столетия.

Последствия этого незавершенного дела очень серьезны, можно сказать, судьбоносны; во всяком случае, более серьезны, чем незаконченная война с Саддамом Хусейном. Только вообразите себе, что в 1945 году победившие союзники вместо безоговорочной капитуляции согласились бы на нечто вроде «перестройки» нацистского режима. Что произошло бы в этом случае в Европе? Я могу поручиться, что в следующие тридцать лет в Европе было бы что угодно, кроме демократии. У них было бы то, что сейчас так мило называется «пост-тоталитарным периодом», что бы это ни означало. И, конечно же, через несколько лет, пусть даже под другим именем, нацистская партия и ее коллаборационисты снова пришли бы к власти во всех странах, где они доминировали прежде. Они учредили бы более умеренную, более либеральную версию своего режима, но это был бы все тот же их режим.

И именно это, боюсь, происходит сегодня. Не только в России или на Украине, Белоруссии или Болгарии или Румынии, но даже в Польше недавние выборы принесли ошеломляющую победу бывшим коммунистам. Даже в Берлине победа коммунистов была столь поразительной, что никто не мог в это поверить. Но самым тревожным во всем этом является то, что никого на Западе это не насторожило. И это можно назвать победой в холодной войне? Неужели мы до сих пор уверены в том, что одержали в ней победу?

В России, в частности, дела пошли намного хуже, чем в любой другой стране из тех, которые я назвал. Последние президентские выборы показали, какой вид демократии эта страна избрала для себя, когда избиратели были поставлены перед очень поразительным выбором между лидером коммунистов и полковником КГБ. Вот они – выборы в русском стиле.

И КГБ победил. После десяти лет нерешительных, половинчатых попыток провести реформы власть снова вернулась к ним, и они очень быстро восстановили свою власть по всей стране. Последние оплоты независимой масс-медиа были

закрыты одно за другим. У нас не было политических заключенных в течение десяти лет – сейчас они у нас есть. Несколько человек уже были посажены за решетку за выступления против войны в Чечне, за протесты против злоупотребления военной властью в охваченных войной районах или против нанесения ущерба окружающей среде военными ядерными отходами.

Чечня сегодня является одной из гноящихся ран страны, где, на мой взгляд, осуществляется настоящий геноцид против небольшой беззащитной нации. Поступает масса информации о так называемых «зачистках», когда все население деревень загоняется в фильтрационные лагеря, после которых лишь немногие остаются в живых. Некоторым из них может повезти, если их семьи в состоянии заплатить за них выкуп, чтобы выволить из лагеря.

Коррупция в сегодняшней России – это нечто, принадлежащее какому-то другому, запредельному миру. Это уже не коррупция, это система. Это система, в которой КГБ управляет большей частью организованной преступности, рэкетом, торговлей наркотиками, продажей оружия. Фактически они превратились в некое подобие преступного синдиката, подобного знаменитому «Спектру» из Бондианы.

Несомненно, сейчас очень неподходящее время для потепления отношения Запада к России, и, тем не менее, именно это мы и наблюдаем. Путина неожиданно принимает президент Буш, который, среди прочего, сказал, что он заглянул ему в душу. Для меня это оказалось большой новостью. Во всех моих встречах с офицерами КГБ именно на душу мне никак не удавалось наткнуться. Ваш премьер-министр Тони Блэйр отправился в Россию, чтобы приветствовать новых союзников на борту грандиозной анти-террористической коалиции. Он сказал, как он очень доволен тем, что Россия стоит сейчас заодно с Западом в этой важной борьбе, потому что «у России есть такой большой опыт в борьбе с терроризмом».

Никогда не думал, что доживу до такого времени, когда мне доведется услышать из уст западного политика такую странную и оскорбительную фразу. Она звучит так же кощунственно и глупо, как звучала бы фраза о том, что у Германии есть невероятно обширный опыт в обращении с евреями. Потому что в ее предыдущей инкарнации в качестве Советского Союза Россия практически изобрела современный политический терроризм и распространила его по всему миру.

И если сегодня мы сталкиваемся со всеми этими новыми очагами терроризма, мусульманского или любого другого, все они имеют предысторию советского вторжения, советских подрывных операций, так называемых «фронтов освобождения», финансируемых, тренированных и подготовленных в Москве. Зачем тебе враги, если у тебя есть такие друзья? Я боюсь, что если вы собираетесь быть союзниками этих людей, ваша глобальная война с терроризмом будет продолжаться вечно.

Все это достаточно печально для меня, чтобы иметь праздничное настроение, но что можно сказать о самом Западе? Бывшие коллаборационисты Советов и их сторонники, их апологеты, подверглись ли они осуждению? Отправили ли их в отставку или на пенсию? Ничего подобного, во многих западных странах они, на самом деле, пришли к власти в то время, когда Советский Союз был в процессе распада. И они фактически продолжают править Европой. Именно они вырабатывают мнения и одновременно принимают решения. Я наблюдал за их деятельностью в то время, когда они разрабатывали относительно новую структуру на нашем континенте.

Меня по-настоящему озадачивает то, что мы ведь совсем недавно, благодаря какому-то чуду, похоронили одного монстра, который угрожал нам в течение пятидесяти лет и вдруг умер, умер действительно чудесным образом. Несколько раз в течение моей жизни они чуть не уничтожили нас. И вот, стоило нам похоронить их, как мы начали создавать еще одного, замечательным образом похожего на того, которого мы только что похоронили. Полный отчаяния и все возрастающей тревоги, я наблюдал за этим сходством, за похожими чертами, которые появлялись по мере того, как создавался этот новый монстр.

Давайте проведем простое сравнение. Что такое СССР? СССР – это Союз Советских Социалистических Республик. Что такое Европейский Союз? Это – союз социалистических республик. Совсем недавно, перед выборами в Италии и Австрии, это был практически союз социалистических республик.

Советский Союз, как мы помним, всегда стремился, во что бы то ни стало, сохранять свою собственную модель социализма, и, если какая-либо страна пыталась отклониться от этой модели, в нее либо вторгались, либо оказывали на нее мощное давление. Это называлось, как мы помним, доктриной Брежнева. То же самое происходит в Европе сегодня. Если Австрия отклоняется от социалистического курса, она подвергается остракизму, на нее оказывается давление, ей объявляется бойкот и еще Бог знает что. Если социализм Милошевича отличается от социализма, исповедуемого в Брюсселе, его просто начинают бомбить. Когда к власти в Италии приходит Берлускони, мне приходится слышать весьма странные заявления французов и немцев: «Ну, это очень плохо, но на этот раз мы не будем объявлять Италии бойкот». Очень мило с их стороны, не правда ли?

Каким образом управлялся Советский Союз? Он управлялся пятнадцатью людьми, которых никто не избирал и которые не были подотчетны никому. Как управляется Европейский Союз? Двумя дюжинами никем не избираемых людей, которые дают назначения друг другу, которые неподотчетны никому и которых мы не можем отправить в отставку.

Как был создан Советский Союз? Принудительно. Или чаще - военной оккупацией силами Красной Армии и марксистских идей. Как был создан Европейский Союз?

Правда, без применения вооруженных сил, но с помощью принуждения и запугивания, под угрозой создания невыносимых экономических условий для тех, кто попытался бы остаться за его пределами. Так что и здесь была, как в случае с Советским Союзом, «женитьба под дулом пистолета», как называли бы это американцы.

В конституции Советского Союза содержалась статья о праве любой республики на выход из Союза. Разумеется, она была включена туда из пропагандистских соображений. Люди были достаточно умны для того, чтобы даже не сметь подумать об этом, тем более, что не существовало процедуры такого отделения и даже просто разговор на эту тему рассматривался бы как преступление и посягательство на территориальную целостность Советского Союза. Я был поражен, когда обнаружил, что более или менее такая же ситуация существует и в Европейском Союзе. Вы можете вступить в него, но выйти из него вам не удастся. Не предусмотрено такой процедуры. Никто еще не сказал вслух, что вы не можете выйти, но процедуры не существует. Все это очень похоже на то, к чему я так привык в Советском Союзе.

Коррупция. Надо признаться, что в сегодняшнем мире почти каждая страна коррумпирована в той или иной степени, и обычно коррупция, как это существует в свободных странах, идет снизу вверх. Она поднимается вместе с медленно проникающими снизу вверх структурами. Это "естественный" путь распространения этой болезни. Социалистическая коррупция всегда имела иной характер, поскольку она была организована сверху вниз, она была системной. Так как советская система, социалистическая система занималась массовым перераспределением богатства, это перераспределение, совершаемое государством, открывало ящик Пандоры всяческих видов коррупции. К моему смятению, я открыл, что в Европейском Союзе мы имеем в точности советскую модель коррупции, а не «нормальную».

Советский Союз был очень агрессивной страной. Он не мог существовать без того, чтобы распространять свою модель социализма все дальше и дальше. В тот момент, когда он перестал делать это, он начал распадаться. У меня есть сильное подозрение, что то же самое справедливо и для Европейского Союза. Хотя экономически совершенно бессмысленно привлекать в Союз все больше и больше стран Восточной Европы с их недоразвитой экономикой, он оказывает сильное, иногда просто непереносимое давление на эти восточно-европейские страны, а также на некоторые другие, как, например, Швейцарию, требуя от них вступления в Союз. Создается впечатление, что это носит идеологический характер.

Нам в Советском Союзе прожужжали все уши о том, что целью его существования является создание новой исторической общности - советского народа. Нам следовало забыть о своей национальности, о наших этнических особенностях, мы ничего не знали о них. И в самом деле, когда я рос в России, я не мог сказать, кто

украинец, кто русский, кто белорус – об этом не следовало упоминать специально. Мы должны были быть единой общностью.

То же самое, похоже, справедливо для Европейского Союза. Они не хотят, чтобы вы считались англичанами, а кто-то другой – французом или кем-то еще, они хотят, чтобы вы все образовывали единую историческую общность, европейцев - что бы это ни означало. И вообще, одной из великих целей социализма, каким мы его знаем, всегда было разрушение национального государства. Все они верили в то, что государство, по их выражению, изживет самое себя за ненадобностью. С некоторой их помощью, разумеется. И именно это мы наблюдаем сейчас в Европе. Какова цель этого образования, расплзающегося сейчас по Европе из Брюсселя? Цель эта – поглотить национальные государства. В их существовании уже нет нужды.

Мне могут возразить, что мое сравнение неполно и не слишком убедительно, потому что Советский Союз был идеологическим государством, идеологической диктатурой, а Европейский Союз является практическим и прагматическим образованием. Я не думаю, что это так на самом деле. Насколько я могу судить, Европейский Союз сегодня основан на очень жесткой идеологии. Это идеология сохранения социализма навечно, но также это идеология так называемой политической корректности, которая становится правилом, становится требованием.

Мне могут возразить, что в Советском Союзе был Гулаг, и, пока в любой стране нет Гулага, ее нельзя ставить на одну доску с Советским Союзом. Я думаю, что мы уже присутствуем при зарождении Гулага в Европе. По крайней мере, у них есть то, что мы называем интеллектуальным Гулагом, когда любой человек, посмеявшийся выразить свое особое мнение по таким вопросам, как раса, пол, образ жизни или что угодно другое – если его или ее мнение отличается от общепринятой и одобренной неким определяющим центром - этого человека подвергают остракизму, ему не позволяют появляться на публике, он не может занять какой-либо серьезный пост или опубликовать что-нибудь существенное. Это - уже начало Гулага. Могу вас уверить – я знаю, что я уже в Гулаге.

Но это только начало. Я читал недавно о попытке вашего правительства, нынешнего правительства Великобритании, кодифицировать этот вид политической корректности. Некий мистер Блэнкет попытался провести закон, определяющий устное высказывание как правонарушение, заслуживающее наказания, что противоречит, насколько мне известно, всем законам вашей страны. Это очень опасный прецедент. Нас спасли, как мне помнится, несколько комиков, которые выступили с возражениями против этого закона, заявив, что если он будет принят, они останутся без работы.

И в самом деле, мы оказались на расстоянии вытянутой руки от закона, согласно которому я оказался за решеткой в России, когда высказывание собственного мнения считалось преступлением, видом подрывной деятельности. Нам повезло,

что на данный момент с этим законом покончено, но я вас уверяю, что такого рода попытки будут повторяться вновь и вновь. Такова природа этого монстра.

Я с некоторым ужасом заметил, что Соглашение в Ницце включает в себя пункт о создании европейской полиции, которая будет обладать громадными привилегиями. Даже КГБ не имел таких привилегий. Сотрудники этой полиции будут иметь дипломатический иммунитет. Представьте себе на минуту полицейского, который придет к вам в дом, избьет вас, конфискует все, что он захочет – а у вас даже не будет права подать на него в суд. Они будут обладать дипломатическим иммунитетом. Они, видите ли, дипломаты.

Это куда более опасно, чем вы можете себе вообразить. Если вы попадете в компьютер в какой-либо стране как нарушитель закона за якобы «пропаганду ненависти», вас могут вывезти под конвоем из вашей собственной страны без какого-либо предварительного слушания, без возможности защитить свои права на основе законов вашей страны.

Если это не начало Гулага – тогда что это?

Я видел сам, своими собственными глазами, как это легко – потерять свободу. И как это мучительно трудно отвоевать ее назад. Вы находитесь в процессе утраты вашей свободы. Поверьте мне – эксперту в этих вопросах.

Я могу продолжать сравнивать эти две структуры до бесконечности, потому что они так похожи друг на друга. Вопрос заключается в следующем: является ли это сходство лишь поверхностным совпадением? Или, как сказали бы биологи, это феномен ко-эволюции – взаимосвязанного развития близких по сути видов? Или есть еще какие-то причины такого их сходства?

Проработав некоторое время в архивах ЦК КПСС в 1992 году, когда я состоял в должности эксперта Конституционного суда в России на процессе коммунистической партии против президента Ельцина, и после проведения некоторых исследований, в том числе изучения ряда документов, недавно опубликованных в России в связи с десятой годовщиной распада Советского Союза, я могу уверить вас, что это – не совпадение. Это куда больше, чем совпадение.

То, о чем я собираюсь вас рассказать сейчас, отнюдь не мои предположения. Все это хорошо задокументировано, доказано и опубликовано во многих странах, за исключением вашей. Если попытаться изложить это попроще, история двадцатого века может быть очень легко определена как история взаимоотношений между двумя ветвями социал-демократии - коммунистами и социал-демократами, или, как мы называли их в России, большевиками и меньшевиками, которые в прошлом принадлежали к одной и той же организации, к российским социал-демократам, но разделились в начале века. Разница между ними не так уж и велика. Как когда-то сказал мне мой друг Норрис Макуеркер после того, как он выслушал мои объяснения, разница между ними похожа на два разных способа приготовления

лобстера. Можно положить лобстера сразу в горячую воду, а можно положить его в холодную воду и начать ее медленно подогревать. Результат будет одним и тем же – лобстер сварится и станет красным.

Именно такова, более или менее, разница между большевиками и меньшевиками. То, что большевики хотели сделать быстро – революцией, террором и так далее, меньшевики собирались сделать медленно – реформами, манипуляциями, индоктринацией и так далее, и тому подобное. Но их окончательные цели отличались незначительно.

Исторически сложилось так, что в то время, как большевики победили в России и в Восточной Европе, меньшевикам удалось добиться большого прогресса и получить большое влияние на Западе. И их взаимоотношения стали весьма важным фактором в истории Европы, и особенно в послевоенное время.

Меньшевики всегда мечтали о том, что однажды большевики поймут, в чем они были неправы, они "помягчают", они начнут в какой-то мере соблюдать права человека и, в конце концов, вернуться в социал-демократию. Большевики знали об этой мечте. Они знали пороки социал-демократии и всегда пользовались ими, оказавшись загнанными в угол. Что они делали, когда попадали в трудное положение? Они делали вид, что вот-вот превратятся в социал-демократов. И хотите - верьте, хотите – нет, но, по меньшей мере, десяток раз в двадцатом веке этот трюк удавался. Он срабатывал при Ленине, срабатывал при Сталине, срабатывал при Хрущеве, срабатывал при Брежнев, но лучше всего он получился у Горбачева.

Со временем этот фокус превратился в некую философскую концепцию, в теорию конвергенции. Вы, наверное, слышали о ней. Она говорила о том, что, по убеждению социал-демократов, в один прекрасный день, когда большевики станут «помягче», станут более цивилизованными, в Европе наступит царство социал-демократии, произойдет окончательная конвергенция, Европа перестанет быть разделенной, и после этого наступит вечный мир, процветание и счастье для всех людей. Такова была большая мечта социал-демократов и их большая теория. Эта теория оказалась очень полезной для большевиков, для коммунистов из Москвы, в частности, в 70-х годах, во время так называемой политики детанта, когда они с большим успехом рекрутировали социал-демократов Европы для проведения своей политики. Но цепь последовавших событий свела к нулю все их достижения. Вторжение в Афганистан, появление Солидарности в Польше – все это вернуло их на исходные позиции, и с тех пор они готовились к тому, чтобы начать новый раунд той же игры, потому что они знали, что дела их плохи. И в 1985 году их новая игра началась.

К 1985 году советское правительство уже знало, что они находятся в глубоком кризисе, что они, по-видимому, не смогут справиться с ним без массивной помощи

Запада. А как лучше всего получить эту помощь, если не с помощью их старого заклятого друга - социал-демократов?

Они использовали некоторые специально сформулированные заявления, этикие «запалы», рассчитанные специально на эту аудиторию. Они начали говорить о «новом мышлении». Это новое мышление, если вдуматься, неожиданно оказалось парафразом старого социал-демократического мумбо-джумбо. То есть они, там в Москве, стали говорить, как социал-демократы. И, конечно, социал-демократия на Западе тут же встрепенулась.

Все, что происходило в Европе перед этим, не имело с ним, конечно же, ничего общего. Римский договор, Общий рынок были тем, чем они и должны были быть – общим рынком. Никто не собирался создавать большое международное многонациональное федеральное государство. Идея заключалась лишь в том, чтобы либерализовать торговлю, отменить некоторые торговые барьеры, и на этом предполагалось остановиться.

Для социал-демократов 1985 год был поворотным пунктом, потому что до этого они были против европейской интеграции и Общего рынка. И точно так же считали Советы. Они до 1985 года были убеждены в том, что идея европейской интеграции враждебна им, что она направлена против них и предназначена для создания в Европе единого фронта, противостоящего им. Это совершенно ясно следует из всех их документов.

Все изменилось в 1985 году. С новыми проблемами, ожидающими их за углом, и с социал-демократами, готовыми помочь им, они полностью изменили свое поведение. Теперь они начали говорить об «общем европейском доме». Между тем, левые, социал-демократы также изменили свое отношение к дальнейшей интеграции Европы, они пришли к выводу, что если они возьмут этот проект в свои руки, то они смогут извлечь из этого выгоду и продвинуть свои идеи.

Говоря об этом, я могу сослаться, если хотите, на одну книгу (хотя есть много подобных книг) под названием «Конец холодной войны», которая написана человеком, многие годы работавшим в секретариате Социалистического Интернационала, человеком по имени Богдан Дени. Какова суть этой книги? Суть этой книги сводится к тому, что конец холодной войны и коллапс Советского Союза вовсе не являлись катастрофой для европейских левых. Это вовсе не означало, что на авансцену выходит либеральный капитализм или, как они выражаются, «дикий капитализм». Если левые консолидируют свои силы и возьмут проходящие в Европе процессы в свои руки, что фактически и произошло, если эти процессы могут быть направлены ими вместе с Советским Союзом в новом, нужном им направлении, то они могут обратить поражение в победу. Такова была основная мысль этой книги, опубликованной в 1990 году, когда все это существовало только в виде плана.

Между тем, Горбачев во всех своих разговорах с западными лидерами социал-демократического толка неустанно обсуждал эту тему. Я просмотрел несколько записей его выступлений и дискуссий с лидерами социал-демократов, и во всех случаях речь шла, в конечном итоге, о сотрудничестве в деле построения общего европейского дома. Позвольте мне продемонстрировать это на одном примере.

В переговорах с французами и, в частности, с тогдашним министром иностранных дел Роланом Дюма (дело было в ноябре 1989 года), они обсуждали, в символической форме, насколько этот проект должен реализовываться синхронно как на Западе, так и на Востоке. Они говорили об общем европейском доме. Дюма говорит: «Ну что ж, мы на Западе, в Европе уже сумели построить первый этаж этого дома». Горбачев отвечает: «Нет, это еще не весь этаж, это только пристройка к нему». И Дюма соглашается: «Да, можно сказать, что это пристройка, но она построена в процессе возведения и других этажей. У нас должна быть общая архитектура, общая концепция, и нам надо построить все эти этажи так, чтобы они соответствовали друг другу».

Я привел вам только одну цитату из сотен и тысяч, которые мне удалось просмотреть. Существовало соглашение. Явное соглашение между товарищами из Москвы и социал-демократами, и особенно из тех партий, которые были членами Социалистического Интернационала, о создании этого общего европейского дома. Основанием этой концепции в то время было убеждение социал-демократов, что это - единственный способ преодолеть разделенность Европы, спасти мир от войны, предотвратить отход от этого пути и сделать всех счастливыми. Такая у них в то время была идея.

Потом, когда проект или, скорее, часть проекта рассыпалась, они, конечно, не отказались от него. Они не сказали, что теперь отпала нужда спасти мир от войны, что теперь уже нет разделенной Европы. Нет, они продолжали.

И это разоблачает все их лицемерие, когда они говорили о спасении мира от войны или о чем угодно другом, потому что на самом деле они просто-напросто понимали, что такой объединенный проект, такая структура очень подходит им, помогает им установить свою власть в Европе. Какая разница, выиграете вы или проиграете очередные выборы? Они все равно сохранят власть и превратят в закон все социалистические нововведения и социалистические реформы, которые им уже удалось ввести. Они сделают их законом, который уже нельзя будет отменить. Именно такие мотивы, в сущности, двигали ими.

А потом, в 1989 году проявились очень интересные процессы. Как вы все помните, в 1989 году все страны Восточной Европы вдруг начали изменяться. Все это выглядело как некая всеохватывающая революция, прошедшая по странам этого региона.

Исследования, проведенные позже в таких странах, как Чешская республика, Германия, Румыния, а также исследования, проведенные Джоном Симпсоном из БиБиСи, показали, что это была на самом деле операция Советов. Операция, которая, в итоге, пошла кривь и вкось. Я сам видел, как Джон Симпсон брал интервью у генерала Алоиза Лоренца, главы разведки Чешской республики, который объяснил ему перед объективом камеры, что по указанию Москвы он организовывал спонтанную псевдо-революцию, возвращение к Пражской весне модели 1968 года с всеобщим ликованием людей, которые были счастливы вернуться к социализму с человеческим лицом, но, к сожалению, в конце все пошло не так. То же самое говорили и румыны, за исключением того, что в Румынии Советам на самом деле удалось сделать то, что они хотели. Румыния, вероятно, была единственной страной, где их замысел удался, где они хотели заменить коммуниста Чаушеску коммунистом Илиеску, и именно это и произошло.

Во всех других странах, когда людям давали малейшую возможность изложить то, к чему они стремятся, они отвергали любую форму социализма - с человеческим лицом или без оно, либерального или другого. Когда у них появлялся хоть крохотный шанс сказать то, что они хотят, они отвергали любой сорт просоветской ориентации левого толка и голосовали за бывших заключенных, как Вацлав Гавел в Чешской республике или руководители Солидарности в Польше.

Так что советская операция потерпела сокрушительное поражение, но это была советская операция. И это следует помнить. Почему Советы так старались провести ее одновременно с планом европейской интеграции и совершающимися изменениями в Восточной Европе? Потому что они знали, что единственным средством обеспечения стабильности при сохранении, в определенной мере, своего контроля над Восточной Европой является проведение процесса либерализации в рамках европейской интеграции.

Самым важным вопросом, самой важной страной в этом уравнении была Германия. Объединение Германии было неизбежным при любом ходе событий. Но, тем не менее, Советы хотели и добились, до определенной степени, согласия Запада на проведение объединения в рамках европейской интеграции. Если бы они преуспели полностью, мы все еще жили бы в Европе без объединенной Германии. Объединение Германии происходило бы, согласно их планам, сейчас. И, что самое ужасное, большинство западных стран согласилось с этим сценарием, включая и Соединенные Штаты. Президент Буш-старший во время саммита на Мальте полностью согласился с предложением Советов, что не следует педалировать объединение Германии, что оно должно проводиться постепенно, ответственно и только в рамках европейской интеграции. Легко вообразить, что случилось бы, если бы они ждали до сих пор или даже еще несколько лет, когда европейская интеграция под эгидой социал-демократов была бы завершена. К этому моменту для Восточной Европы уже не было бы такого шанса стать совершенно свободной. Она бы контролировалась социалистами на Западе и коммунистами на Востоке.

К счастью для нас, Гельмут Коль в тот момент неожиданно пошел против своих западных союзников и ускорил объединение. Вместо того, чтобы ждать завершения построения Европейского Союза, он сделал все за один год, и, главным образом, потому что восточные немцы, а вовсе не западные немцы стремились к этому изо всех сил. Они знали, с каким огнем они играют. К тому времени люди, которым пришлось пожить при коммунизме, знали это слишком хорошо. Они знали, что если они будут ждать, то не получат ничего. При появлении малейшей возможности вырваться оттуда они стремились использовать ее. И именно это, на самом деле, разрушило весь этот грандиозный проект, разработанный социалистами Запада и коммунистами России.

Как видно из этого, Европейский Союз – это только половина плана. Но даже в таком виде, даже будучи только частью плана, он достаточно отвратителен. В сущности, я могу рассказать вам, что произойдет, потому что, если парафразировать знаменитого деятеля левого движения 30-х годов, я жил в вашем будущем и оно мне не понравилось.

Результаты того, что они делают сейчас в Европе, будут диаметрально противоположными тому, что они обещают, как это всегда бывает с левыми, с утопистами любой окраски, ибо они не понимают природы человека. Они всегда стремятся изменить ее, и поэтому, когда природа человека отвергает их притязания, они всегда приходят в изумление. Они, как правило, получают результаты, обратные тому, к чему они стремятся.

Они объяснили нам, что одной из причин, по которой мы нуждаемся в таком европейском федеральном государстве, является необходимость избежать войны в Европе. В настоящий период угрозы войны в Европе нет, по крайней мере, если говорить о серьезной войне. Но когда это период закончится, страны Европы перессорятся друг с другом до такой степени, что окажутся на грани войны.

Нам сказали также, что это необходимо для преодоления нашей этнической обособленности, нашей национальности, наших предрассудков, наших традиций, и поэтому после того, как это произойдет, мы во веки веков будем жить счастливо как многонациональное сообщество.

Я могу сказать вам заранее, что произойдет нечто противоположное. После семидесяти трех лет жизни в Советском Союзе, который должен был быть, в теории, счастливой семьей народов, у нас было столько этнических конфликтов, сколько не могло появиться ни в одной другой стране.

Нам говорят сегодня, что их цель – всеобщее процветание. Наша экономика станет сильной по сравнению с экономикой Соединенных Штатов, способной конкурировать с ней и стоять на страже наших интересов. Произойдет нечто противоположное. Зарегулированная, субсидированная, глупо организованная, коррумпированная экономика Европейского Союза станет очень слабой, и люди станут все более и более бедными и зависимыми от Соединенных Штатов.

Что касается Гулага, то он, боюсь, продолжит развиваться. Я обратил внимание – и я уверен, что вы тоже – на то, что игра, в которую играют меньшевики на Западе с этим Европейским Союзом, очень похожа на игру, которую вел Ленин. Они паразитируют на проблемах меньшинств, они обожают эти проблемы. Ленин изобрел пролетариат и использовал его как представителя меньшинств, как выразителя их интересов, чтобы потом от их имени захватить власть и управлять страной. Западные меньшевики делают примерно то же самое. Они изобретают меньшинства или создают их.

Пару лет назад я читал в газете, по-моему, в «Геральд Трибюн», статью, в которой рассказывалось о результатах исследования будущих проблем занятости в Европе, проведенного группой европейских исследователей под эгидой Европейской комиссии. Это было замечательное и, на мой взгляд, очень показательное исследование. Из него мы узнаем, что через 15-20 лет Европе будет настолько катастрофически нехватать рабочей силы, что она вынуждена будет ввезти до 30 миллионов человек из стран третьего мира.

Это очень интересно. Начать с того, что сейчас во Франции и Германии очень высокая безработица, и в этих странах нет опасности нехватки рабочих рук. Но представим себе, что мы ошибаемся, представим, что произойдет что-нибудь в этом роде. Однако, обычная практика бизнеса, прежде всего, заключается в том, что предприятия переносятся туда, где есть дешевая рабочая сила, а не наоборот – рабочая сила не ввозится туда, где труд оплачивается высоко. Это уже выглядит противоречащим нашей интуиции. Но пусть – вообразим, что все это так и есть. Но почему из третьего мира? У нас есть много рабочих, много квалифицированной рабочей силы в России, Польше, Болгарии, Белоруссии, на Украине – миллионы человек. Но нет, Европейская комиссия не хочет, чтобы они пришли в Европу. Она хочет, чтобы это были этнически другие люди.

Будучи сам натурализованным британским гражданином, иммигрантом, я симпатизирую этим людям, стремящимся найти убежище от преследований. Я симпатизирую способности этих людей жить в мульти-этническом окружении, имея дело с самыми разнообразными вкусами и образом жизни других людей. Я очень терпимый человек. Но одно дело быть терпимым к тому, что для тебя является чем-то данным, и совсем другое дело – намеренно создавать громадную проблему. Намеренно создавать проблему, которая впоследствии превратится в разрушительную. Мы все знаем, что адаптация вновь прибывших иммигрантов, и особенно иммигрантов из третьего мира, является весьма болезненным процессом. Он будет болезненным и для иммигрантов, и для общества.

Почему они делают это? А потому, что это очень удобно. Во-первых, они получают привязанный к ним электорат, людей, которые обречены голосовать за трудовые или социал-демократические партии как единственные партии, распределяющие и перераспределяющие общественные средства и помощь, предоставляемые им. Во-

вторых, мы все будем испытывать чувство вины. Это так мило. Любой, кто заикнется по поводу этой проблемы, немедленно превратится в парию. И это так удобно для того, чтобы применять репрессивные меры и затыкать рот любым оппонентам. В-третьих, окончательной целью этих людей, этих утопистов является одно-единственное большое государство на весь мир.

Мы, эти такие бесчувственные, эгоистические люди, мы не понимаем этого, мы недостаточно вникаем в проблемы третьего мира. Если же привести третий мир в Европу, люди начнут симпатизировать ему намного больше. Они начнут говорить так, как говорят в Америке о Мексике – давайте поможем мексиканцам жить лучше в Мексике вместо того, чтобы они приходили к нам. Это – еще один долгосрочный проект, а потом появится другой, и так далее. Но результат его будет катастрофическим. В Европе уже существует пропорционально очень большая квота людей из третьего мира. И их очень трудно абсорбировать. Проблема будет нарастать, она примет угрожающий характер и неизбежно приведет к появлению враждебных чувств у обеих сторон.

Что же произойдет? Я не думаю, что Европейский Союз когда-либо создаст Гулаг как систему концентрационных лагерей просто потому, что у вас нет Сибири. Для того, чтобы сделать это, нужна Сибирь. Шетландские острова не так уж плохи, но они слишком малы. Но может случиться – и я хотел бы быть неправым – может случиться, что они будут направлять нас на психологическую обработку. Как это мило – вместо того, чтобы проводить время в психиатрической клинике, как это было со мной в молодости из-за того, что я был антикоммунистом, что в то время считалось проявлением ненормальности, и поэтому меня следовало пичкать соответствующими лекарствами. Теперь эта более мягкая форма социализма не будет засаживать вас за решетку сумасшедшего дома, нет, они пригласят вас на коллективный курс психологической обработки. Вот что ожидает нас. И именно это будет вашей версией Гулага.

Я знаком с этими делами настолько хорошо, что могу предсказать вам многое, и я готов биться об заклад с любым, с любым богатым человеком, который не согласится со мной. Для меня это будет неплохой способ зарабатывания денег.

И еще одну вещь я могу предсказать с легкостью – этот Союз рухнет так же, как развалился Советский Союз. Неизбежность его конца точно так же запрограммирована в нем, как это было запрограммировано в Советском Союзе. Несомненно, его конец оставит после себя полную разруху, и нам придется разгрести это месиво. Все это будет малоприятно, экономическое положение будет намного хуже, к этому следует прибавить все эти этнические проблемы с гигантскими осложнениями, перед нами будут стоять невероятно тяжелые задачи, но это произойдет. И поэтому, так же, как и сорок лет назад, когда, будучи еще мальчишкой, я знал наперед, что Советский Союз когда-то развалится, я говорю вам: "Постарайтесь ускорить этот процесс. Чем раньше вы развалитесь, тем лучше".

Позвольте мне сообщить вам и хорошую новость. Противостоять им намного легче, чем КГБ. Эти болтуны из Брюсселя, они просто интеллектуалы, они желают говорить о любви к человечеству, у них нет опыта безжалостности, способности к убийству миллионов людей. Победить их легче, поверьте мне. Если мы смогли победить нашего монстра, если мы смогли собрать горстку молодых безоружных людей, поднять их против самой мощной в истории человечества системы угнетения и победить! Через сорок лет я оглядываюсь назад, на начало пути – и не могу в это поверить. Мы никогда не думали, что нам удастся прожить достаточно долго, чтобы увидеть последние минуты нашего монстра. И, тем не менее, они мертвы, а кое-кто из нас еще жив. Это, на самом деле, очень хорошая новость.

Я могу даже сказать вам, что вам следует делать. Не надо заблуждаться – никакая политическая партия вам не поможет. Все политические партии сегодня коррумпированы. Мы говорим о коррумпированных элитах. И поэтому единственным ответом, как это было с нами сорок лет назад, является создание массового стихийного движения. Только это. Давайте начнем заново, как мы сделали сорок лет назад, с движения за права человека, с защиты нашего права говорить, думать, публиковать, организовывать общества по своему выбору, давайте отвоюем назад нашу демократию. Именно этим мы все должны были бы заниматься сегодня. И я могу сказать вам: если мы сделаем это, все окажется намного легче, чем вы думаете. Эти парни из Брюсселя, они ведь, в большинстве своем, бюрократы, они боятся толпы. Посмотрите, как они были напуганы этими антиглобалистскими хулиганами. Если у нас будет подлинное массовое движение в Европе, они будут дрожать от страха, они забудут про все свои планы, они просто разбегутся. Только сделайте это. Спасибо.

----- * -----

Вопрос: Может ли Европейский Союз быть реформирован изнутри?

Ответ: Что касается ситуации в Европейском Союзе, то все это напоминает мне одну старую историю, которая случилась со мной, когда мне было 20 лет и когда мы, зеленая молодежь, пытались найти способ нанести ущерб Советскому Союзу. Это было тогда нашим основным занятием.

А среди нас был один очень пожилой человек, который был старым большевиком. Но, несмотря на то, что он был преданным сторонником Ленина, он всегда был не в ладах с коммунистическим правительством, потому что у него было свое, особое понимание Ленина. И он говорил так: "Ребята, лучшим способом добиться вашей цели будет вступить в коммунистическую партию и попытаться изменить ее

изнутри". На что один из моих друзей отвечал несколько грубовато, но совершенно правильно, говоря, что это почти то же самое, как пытаться излечить девушку, страдающую от венерической болезни, переспав с ней. Вам вряд ли удастся вылечить ее, но вы почти наверняка подхватите ее болезнь. То же самое можно сказать и по поводу попыток изменить то, о чем я вам сейчас рассказывал. Социалистические структуры, социалистические концепции неизменяемы, их невозможно реформировать. Именно это поняли в свое время советские лидеры. Они пытались избавиться от проблем, они пробовали реформировать Советский Союз, но это было невозможно, это было все равно, что реформировать мышеловку. Что вы можете сделать для того, чтобы реформировать мышеловку? Нет такого способа. Так что я не верю, что существует какая-то специфическая политика, которая может преуспеть в решении этой задачи.

Мне приходилось часто объяснять эту ситуацию в Восточной Европе, потому что ее жители находятся в аналогичном положении. Возьмем поляков. Они не хотят присоединиться к Европейскому Союзу, так как знают, что это разрушит их сельское хозяйство, которое является стовым хребтом ее экономики. Они знают, что это будет еще одно сверхгосударство, поставленное над ними, а им только что удалось с большими жертвами избавиться от предыдущего. Но, тем не менее, все устроено таким образом, что у них нет выхода. Что же делать? Обратиться на Восток? К коммунистам? К Путину? Нет, все мы хотим присоединиться к Европе, что бы это ни значило. Я всегда спорил с ними по этому поводу, и они выдвигали то же самое предложение: мы будем действовать изнутри. Поляки, в частности, говорили мне – и они, может быть, были, на самом деле, правы – если Польша присоединится к Европейскому Союзу, она разрушит его очень быстро. Наверное, это так, но мне очень жаль Польшу.

В: Как вам удастся привлечь общественный интерес?

О: Я пытался помочь австрийцам, когда они хотели провести референдум по вопросу о выходе из Европейского Союза. Вы помните, примерно полтора года назад у них была такая идея, и они пригласили меня провести с ними этакий семинар и объяснить им, как это организовать. Я приехал и решил проверить, как они этим занимаются. Уныло выглядевшие молодые интеллектуалы ходили по улицам Вены и раздавали листовки. У них был очень скучающий вид, и, конечно, люди вежливо брали у них листовки, но дальше этого дело не шло. Вечером, когда от меня требовалось дать им нечто вроде совета, я сказал им: «Господа, если вы не получаете от этого удовольствия, какой другим прок от всего этого? Так дело не пойдет. Вам надо придумать что-нибудь более веселое. Что, если напечатать фальшивые евро? Как насчет того, чтобы задействовать ваши фиакры?» Вы ведь знаете, что Вена знаменита своими старинными экипажами с лошадьми, которые до сих пор используются как такси в дань традиции. Я сказал им: «Возьмите их все на прокат и устройте по всей Вене процессию с разнообразными плакатами. Надо проявить изобретательность, именно это нужно для хорошей кампании. Вам нужно привлечь внимание масс-медиа, они не придут к вам сами, вы должны завлечь их. Если мы, например, сделаем плакаты с надписью «EUSSR», разве это будет плохо?»

Это будет здорово, это хорошо звучит, это привлечет внимание людей и заставит их задавать вопросы».

В: Следует ли устроить судебный процесс над советским коммунизмом?

О: Именно этого я хотел в 1991 году, когда после того, как закончился неудачей августовский путч, я приехал в Москву, чтобы убедить новое российское руководство провести такой суд. В то время это можно было сделать сравнительно легко, устроив суд над заговорщиками. Не требовалось проводить массовых арестов, нам не нужен был Гулаг, я не думаю, что следует устанавливать вину каждого, потому что в тоталитарном государстве каждый виновен до определенной степени, так что такая задача не ставилась. Но нужно было обнародовать все их преступления, открыть их архивы, устроить публичный суд над их системой и заклеить ее раз и навсегда как преступную. Такова была моя цель.

Мне удалось убедить почти всех, кроме Ельцина. Он, будучи сам старым партийным аппаратчиком, сказал: «Нет, ни в коем случае». После этого все пошло по нисходящей. Это был уникальный момент, когда мы и в самом деле могли сделать это, и сделать без особого напряжения, и многие требовали этого. В тот момент в Восточной Европе и в России идея такого суда воспринималась с большим энтузиазмом. Сегодня это становится все более и более трудным. По мере того, как события того времени уходят в прошлое, люди становятся все более озабоченными текущими проблемами, трудностями, коррупцией, мафией. Они не могут помнить всех преступлений, которые были совершены против них за 50 лет. И становится все менее и менее вероятным, что мы еще при нашей жизни станем свидетелями такого суда.

Но я согласен с вами – это единственный способ покончить с ними, единственный способ очистить воздух раз и навсегда. Разумеется, они понимают это, именно поэтому левые были с самого начала против окончательной дезинтеграции Советского Союза. У меня есть документ, о котором я не упоминал здесь, потому что я и так говорил слишком долго; документ этот я обнаружил в архиве ЦК КПСС. Июнь 1991 года, Советскому Союзу осталось существовать несколько месяцев, но Центральный Комитет докладывает, что члены Социалистического Интернационала, социалистические партии Европы очень озабочены тем, что в России, в бывшем Советском Союзе может «восторжествовать дикий капитализм». Дикая капитализм! Они утверждают, что коллапс социалистической идеи в Советском Союзе может привести «к ее кризису в Западной Европе». Именно поэтому они делали все возможное для того, чтобы предотвратить окончательное разрушение коммунистической системы и, в том числе, помешать проведению суда над ней.

В: Как, по вашему мнению, следует преодолевать инертность общества? Не опасна ли она?

О: Боюсь, вы правы, ситуация может стать намного хуже к тому моменту, когда люди, наконец, проснутся, особенно молодые люди. Они пробудятся только тогда, когда это затронет непосредственно их самих. Вы были свидетелями замечательного события, я имею в виду, замечательного с моей точки зрения, – старейшая институция вашей страны, Палата лордов была распущена без единого возражения со стороны публики.

Но когда дело дошло до охоты на лис, в стране произошло нечто вроде революции. То есть, когда что-либо затрагивает непосредственные жизненные интересы, люди реагируют на это более энергично. Посмотрите на эти забастовки в связи с подорожанием топлива: когда ситуация становится по-настоящему невыносимой, по крайней мере, в том, что касается налогов, люди выходят на улицу. В этой стране еще сохранился боевой дух – я так думаю, я подозреваю. Хотя за те двадцать пять лет, что я живу здесь, этот дух несколько подувал, и, должен сказать, я весьма разочарован: страна становится все более и более безмятежной и апатичной.

Что вам следует делать? Вы должны прилагать все усилия к тому, чтобы эта коалиция оставалась деятельной. Большинство этих людей инстинктивно придерживаются правильных взглядов, но они не слишком хороши в деле самоорганизации. Мы должны создать сеть действующих организаций. Кто в этом заинтересован? Малый бизнес заинтересован? Да, заинтересован. Крупный бизнес может поддерживать Европейский Союз, но малый бизнес и средний бизнес – они все против. Вы должны поддерживать их, фермеров, водителей грузовиков, Бог знает кого еще. Вы должны выковывать единство, вы должны работать – это, прежде всего, организационная работа, и она очень трудна.

В. Не кажется ли вам, что люди просто не хотят думать о возможных последствиях своего бездействия??

О. Может быть, но я думаю, что это объясняется, главным образом, тем, что люди не чувствуют опасности. Это все еще, к сожалению, носит теоретический характер. Взгляните на публику, которая здесь присутствует. Все мы – люди, мягко говоря, среднего возраста, не правда ли? Я не вижу здесь много молодежи, самый молодой из нас, Уинстон Черчилль, уже ушел. И это говорит о многом: то есть я хочу сказать, что эти люди не чувствуют себя участниками этих событий, они полагают, что это их не коснется. Но они ошибаются – коснется. У этого процесса есть своя собственная логика, и они не остановятся, они будут идти вперед, и каждый их новый шаг будет приносить все больше ущерба.

Да, к сожалению, если люди не реагируют сейчас, ситуация будет ухудшаться. К сожалению. Я бы предпочел действовать немедленно, чем скорее, тем лучше, но сейчас реакция явно недостаточна. Так что нам придется ждать до тех пор, пока не станет совсем плохо, и тогда люди должны начать действовать более активно. Между тем я предлагаю вам поддерживать как можно больше международных

связей и пытаться помочь, насколько вы в состоянии, другим странам. Если вам удастся помочь Австрии выйти из Европейского Союза, это будет для всех их серьезным ударом. Если вы сможете убедить Венгрию проголосовать против присоединения к ним, их постигнет еще одна большая неудача. Следует всегда помнить, что эта борьба разыгрывается на международной сцене.

В: Как вы пытаетесь бороться с необъективностью масс-медиа?

О: Вы ведь знаете, мой опыт нельзя отнести к примерам, достойным всяческого подражания. Вам ведь не хочется провести двенадцать лет в Гулаге, не правда ли? Но я могу привести вам другой пример. Я читал как-то «Фридом тудей», печатный орган организации, вице-президентом которой я имею честь состоять, и там излагались жалобы на то, что БиБиСи настроена про-европейски.

Кстати говоря, я не смотрю телевизор вот уже три года, я даже не включаю его, оно, на мой взгляд, все никуда не годится, БиБиСи или не БиБиСи – оно все просто безобразно. Так вот, я его не включаю, но я плачу налог за право смотреть телевидение, и они используют мои деньги для пропаганды против меня же. Что бы я сделал, если бы я по-настоящему чувствовал себя, как дома – чего я не могу сказать про себя? Я бы отказался платить налог. Я бы отыскал три, четыре, пять тысяч своих единомышленников, и мы бы подписали петицию, что, если не будет изменен подход телевидения к освещению всего, что связано с Европейским Союзом, мы прекратим платить налог.

Позвольте мне рассказать вам кое-что, напомнившее мне одну историю, происшедшую много лет назад. В 1973 году, во время пребывания в концентрационном лагере в горах Урала, нам пришлось объявить забастовку в связи с тем, что в лагере не было медпункта. А я перед этим подсчитал, что в лагере было только двадцать карцеров на одну тысячу заключенных. И я сказал: «Ребята, только двадцать человек из нас окажутся в карцере, все остальные никак не пострадают». И это решило дело - три лагеря объявили голодовку, мы держались до конца и получили все, что требовали.

Я помню, как здесь, в Великобритании, были волнения в связи с подушным налогом, когда всего около трех или четырех тысяч человек отказались платить этот налог. Юридическая система зашла в тупик. Она пыталась преследовать их в течение следующих 10 или 15 лет, но так и не сумела добиться своего. Все эти судебные дела просто затопили ее с головой. Всего три тысячи дел. Неужели же мы не можем хотя бы повторить их? Можем мы найти пять тысяч человек, которые отказались бы платить телевизионный налог?

В: Считаете ли вы, что политкорректность равносильна контролю над мыслями?

О: Удивительно, что люди с такой легкостью принимают эту политкорректность. Давайте будем честными с самими собой, большевикам пришлось убить 40

миллионов человек прежде, чем им удалось установить свои правила. Здесь вы согласились принять это без того, чтобы хоть кто-нибудь был убит. Меня это поражает. На мой взгляд, это было самой большой атакой на свободу человека после развала коммунизма. Идея политкорректности искажает абсолютно все. Имейте ввиду, контроль над высказыванием есть контроль над мыслями, как мы все хорошо знаем от Оруэлла, он направлен на разрушение ваших семей, ваших традиций, всего, что вам свойственно, он состряпан весьма тщательно и он очень вредоносен.

Прежде всего, я чувствую себя оскорбленным тем, что кто-то требует от меня говорить так, а не иначе. Какое они имеют право диктовать мне, как я должен выражать самого себя? Я чувствую себя оскорбленным, я отказываюсь подчиняться им, но люди начинают возмущаться, и я не понимаю, почему. Я не знаю, что случилось с сегодняшним миром, но люди все больше и больше становятся конформистами. В мое время молодым людям было свойственно восставать и говорить: «Нет, идите вы к черту, вы хотите этого, а я этого не хочу. Вот так. О'кей? И закончим на этом». Сегодня, похоже, все, как в одном строю – делают то, что от них требуют. Я не понимаю, что с ними случилось.

Перевод с английского
Эдуарда Маркова.
Январь 2003 года.